

На излёте XX века русская поэзия пережила эпоху девальвации высокого поэтического слова, девальвацию самой категории возвышенного, которое стало восприниматься уже не только скептически, но зачастую и со знаком «минус» – в негативном и ироническом свете, как демонстрация высокопарной наигранной риторики.

Символ этой эпохи – поэзия Бродского, поэзия бесспорно выдающаяся, но выдающаяся в первую очередь своим разъедающим и всепоглощающим скептицизмом, ставшая волей исторической судьбы, можно сказать, классикой скептической поэзии на долгие времена.

До этого же, в разгар советской эпохи, в СССР безраздельно царствовала как раз поэзия высоких слов, незаметно превратившихся в пустые слова, в безоглядное и безудержное пустозвонство.

Узнаваемые символы поэзии этого рода – Вознесенский и Евтушенко, эти близнецы-братья «прогрессивной» советской поэзии, сводившейся к красивым словам, широковещательным декларациям и банально-романтическим проповедям любви и счастья, которые сначала увлекли советских людей (в очередной раз), а потом безмерно и уже окончательно им наскучили.

И как посильная замена «надувной» патетики Вознесенского-Евтушенко (особенно последнего, конечно) быстро получила распространение обывательская поэзия и поэзия всепобеждающей пошлости и мещанства.

Её идеальное воплощение – обильное, как затяжные, беспросветные осенние дожди, и характерное мещанское

творчество Александра Кушнера, которое каким-то образом продолжается и до сих пор.

Мещанская стихия в поэзии оказалась настолько широкой, всеприемлющей и благодатной, что у неё быстро появились и новые провозвестники.

В частности, небезызвестный и очень характерный в этом плане петербургский стихотворец Алексей Пурин.

Его сочинительство очень типично как своего рода эталон пошлости, эталон пустой развлекательно-обывательской поэзии нашего времени, по которому легко и удобно измерять «степень пошлости» и в поэзии других находящихся до сих пор «в ходу» стихотворцев, принадлежащих по сути своего сочинительства к той же отжившей советско-мещанской эпохе конца XX века, на которой давно уже пора поставить крест.

Поздние советские и первые постсоветские годы в нашей поэзии стали эпохой банальности и посредственности, когда подавляющее большинство активно печатавшихся поэтов были очень похожи на «семь дочерей князя Тугоуховского» в великой комедии Грибоедова, как мы помним, совершенно неотличимых друг от друга.

Стихи самых разных авторов, печатавшихся тогда в солидных толстых журналах, были настолько похожи, что их авторов легко можно было перепутать и без потерь заменить одного другим.

Поэтическая индивидуальность полностью исчерпала себя как явление. Поэзия стала и безмерно банальной, и духовно обыденной, и стёртой.

Но это не могло, конечно, продолжаться вечно.

Освежающая волна в нашей поэзии была неизбежна, и ей предстояло смыть всю духовную слизь и накипь пустозвонства и пошлости, накопившуюся за долгие годы.

На самом деле семидесятые, восьмидесятые и девяностые годы в нашей отечественной поэзии XX века очень напоминали те же годы в русской поэзии XIX столетия, где поэтом-домоседом Апухтиным стал какой-нибудь Кушнер, а рядовым сентиментальным и пошлым Надсоном – какой-нибудь Пурин. (Хотя, конечно же, в действительности оба названные сочинителя намного беднее по дарованиям, ниже по уровню стихотворчества и много меньше по своей исторической в русской поэзии, чем Апухтин и Семён Надсон соответственно)

Великий Бродский же на их фоне – это великий Некрасов своего времени, только Некрасов «наизнанку», тоже прогрессивно-демократический, но народ вовсе не жалеющий и даже не замечающий... Некрасов, благополучно перебравшийся за океан...

И тогда, в последние десятилетия XIX века, тоже остро ощущалась в отечественной поэзии застойность, засилье штампов, пошлость, обывательщина и отсутствие подлинного «нового слова».

И тогда русской поэтической культуре тоже предстояло на рубеже XIX и XX веков пробудиться от сна.

И она пробудилась – явились символисты Мережковский, Зинаида Гиппиус, Бальмонт, Брюсов и, наконец, Блок...

Тоже самое по большому счёту происходит и сейчас.

Литература, и в особенности поэзия в России, как будто вновь и вновь совершает свой неизбежный «вековой круг», вековой цикл развития.

И на рубеже нового столетия в России всегда вырастали новые таланты и появлялись новые яркие имена в поэзии.

Мы можем назвать двух таких новых авторов нашего времени, поэзия которых имеет знакомый и символический духовно характер для нашей эпохи – Евгения Степанова и Коэн Белл...

Поэзия Евгения Степанова известна, публикуется и признана среди ценителей отечественной литературы и в широкой читательской среде уже достаточно давно (укажем для читателей – это литературный псевдоним автора, принадлежащего русской культуре, родившегося и выросшего в СССР), на небосклоне современной русской поэзии явление совершенно новое, пока мало известное и изученное, но необычайно яркое.

И в обоих случаях повторим особо – это знаковая в контексте нашего времени поэзия. Поэзия Евгения Степанова символически воплощает СТИХИЮ СВОБОДЫ.

Поэзия Коэн Белл символически олицетворяет собой неиссякаемую ЭНЕРГИЮ ЖИЗНИ.

Это и есть основные слагаемые нашего времени в его духовном измерении: БЕЗГРАНИЧНАЯ СВОБОДА И НЕИССЯКАЕМАЯ ЭНЕРГИЯ.

В современной русской поэзии они должны были найти и нашли законченное и яркое выражение.

Если Коэн Белл, как поэт, ещё, пожалуй, не завоевала широкого признания наших современников (хотя безусловно его заслуживает), то поэзию Евгения Степанова можно назвать уже достаточно давно признанной, уважаемой и почитаемой в современном литературном мире.

Вместе с тем творчество Евгения Степанова порой воспринимается нашими современниками столь искаженно и, мы бы сказали, неадекватно, как будто они в силу неизъяснимого обмана зрения видят его в фантастическом кривом зеркале и нередко с совершенно серьёзным видом выдают, глубокомысленно рассуждая о поэзии Евгения Степанова, следующие, к примеру, перлы.

Так, Лев Аннинский, уважаемый метр той ещё «старо-советской» литературной критики, в привычном для себя

залихватском, наигранно искреннем душевном порыве пишет: «Евгений Степанов, пятидесятилетний мастер стиха, донесший в Москву из тамбовской дали ощущение огромной страны, по которой гуляют теперь потомки тех послевоенных гармонистов, что не давали уснуть овдовевшим солдаткам...»

Да уж... очень похож Евгений Степанов как большой современный поэт на «потомков послевоенных гармонистов»!..

И какие же это были «гармонисты» такие послевоенные? Степан Щипачев что-ли?

Может быть, и правда в каком-то смысле этот Степан и был «сталинским гармонистом», к тому же действительно «послевоенным»... времён «ленинградского дела» и постановления Партии «О журналах «Звезда» и «Ленинград», выбросившего из советской литературы Ахматову и Зощенко очень надолго.

По крайней мере заснуть «овдовевшим солдаткам» Степан Щипачев и ему подобные гармонисты соцреализма действительно не давали.

Силён, силён в осмыслении отечественной поэзии наш дорогой Лев Аннинский! Тут уж ничего не скажешь...

Но есть суждения о поэзии Евгения Степанова и ещё глубокомысленнее, да к тому же в простоте своей ещё смешнее.

Так, например, известный наш «космический поэт», Константин Кедров, заявляет совершенно серьёзно: «Мне очень нравится стихотворение Степанова, состоящее из одного предложения «Я хотел написать стихотворение. И не смог. Здесь какая-то пушкинская простота».

Почувствовал, видимо, наш космический кудесник в этом стихотворении что-то сказанное про него самого – знакомое это ему самому чувство: «Хотел написать стихотворение. И не смог». Бывает.

На самом деле же в этом стихе-реплике – сгусток иронии, конечно... Оно в чём-то напоминает поэтические эскапады обериутов, напоминает раннего Заболоцкого с его Ивановыми...

В нём поддельный и комический «лирический герой» преднамеренно крайне простоват – эдакий наивный простак, Ваня Иванов, вечный образ-символ незатейливых обывательских душ...

И никакой тут нет «пушкинской простоты». Всё наоборот. Этим строкам Евгения Степанова сродни на самом деле такие едко сатирические его строки:

*нетути призывания
скажем напрямки
а хотят признания
эти дураки.*

Но, конечно же, Константин Кедров и должен был принять любую едкую иронию в простоте своей за откровенное признание наивного «лирического героя», в котором он видит, «скажем напрямки», родственную себе душу.

И сам бы признался откровенно наш непревзойденный в своей «пушкинской простоте» Константин Кедров, что «хотел написать стихотворение. «И не смог» да неудобно... неловко как-то перед читателями.

Потому и называет наш поэт космоса Евгения Степанова каким-то Сталкером в литературе, говорящим на запретные темы и посещающим некие «запретные места». «Он (Е. Степанов – С.Н.) идёт туда, куда вход запрещён» – это, по мнению господина Кедрова, самая большая похвала.

Хотя что, собственно, хорошего в «запретных местах» – нам, например, непонятно.

Разве что током дёрнет хорошенько или в яму глубокую неожиданно провалишься...

Очень часто попытки критики и литературоведения осмыслить поэтическое творчество Евгения Степанова рассыпа-

ются в прах или сводятся только к откровенно комическим утверждениям и выводам.

И это говорит о сложности такой задачи, если серьёзно к ней относиться.

Так не где-нибудь, а в авторитетных «Вопросах Литературы» Татьяна Бек в своё время писала, что «Евгений Степанов с весёлой усмешкой отказывается от развязной поп-горизонтالي, противопоставляя ей эстетику детского здоровья...».

И в подтверждение этого, безусловно, похвального в своём благонамеренном нравственном пафосе вывода приводила следующие строки поэта: «Длинноногая путанка Скажет мне: «Что хочешь ты?» Я хочу читать Бианки, И читать до темноты».

С точки зрения уважаемой Татьяны Бек это и есть образец «эстетики детского здоровья» – отвечать «длинноногой путанке», что хочу читать Бианки (а не чего-то другого из области её традиционных услуг) и «читать до темноты».

Игривой иронии поэта Татьяна Бек здесь не чувствует... Ей кажется, что всё это только «о детском здоровье» написано.

А вот нам кажется – что этот весёлый стих скорее о «длинноногих путанках», чем о невинных детишках, написан и говорит вовсе не о выдуманной какой-то «эстетике детского здоровья», а таит в себе отблеск утончённой эротической игры...

И всё это в целом свидетельствует о том, что наша литературная среда к серьёзному осмыслению поэзии Евгения Степанова ещё просто не готова.

Видят, что это – в высшей степени неординарная поэзия, но что сказать о ней по существу и не знают...

Или смешные заявления делают, или безмерно наивные.

Или же пускаются в омут пустых общих слов, столь же красивых, сколь и ничего не значащих...

Вот что заявил, например, в журнале «Москва» некий Юрий Влодов по поводу одной из поэтических книг нашего действительно замечательного поэта: «Вся книга Евгения Степанова – цельная цитата, подтверждающая непохожесть, энергичную порывистость».

Сказано значительно, на вид весомо и внушительно...

Но что сказано?

Вот что такое «цельная цитата», да ещё почему-то подтверждающая какую-то «непохожесть» и одновременно «энергичную порывистость».

Как понять, чем является эта так называемая «цельная цитата»? Что вся поэтическая книга Евгения Степанова – есть некая цитата что ли?

Тогда что в этом хорошего? И как может эта книга – «цельная цитата» – подтверждать «непохожесть»? Непохожесть на что?

Ну хотя бы с «энергической порывистостью» всё более или менее понятно, действительно бывает такая порывистость, бурная, энергическая...

А в остальном это глубокомысленное высказывание господина Влодова – сплошная абракадабра с претензией на значительность.

Так пишут, когда не знают, что сказать, а хочется заявить что-то убедительное, весомое...

Вот и заявляют тогда с важностью – не пойми что... в духе абсурдистской мудрости старой народной сказки: иди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что...

Хорошо сказал о поэзии Евгения Степанова в своё время Александр Иванов: «Необычные стихи, интересные, ни на что не похожие».

Это бесспорно так и есть.

Но ведь это – не определение отличительных черт и свойств поэзии Евгения Степанова.

Необычным, интересным, ни на что не похожим может быть всё, что угодно, не обязательно даже поэзия.

Таким может быть и остров в океане, и город какой-нибудь на краю света, и погода, и череда удивительных событий.

Чтобы осмыслить поэзию действительно яркого автора надо дать ей ясное определение, указать её место в литературе, выявить её отличительные черты. И вот с этим у литературной критики нашей при её обращении к творчеству Евгения Степанова дело обстоит явно плохо.

Причём, безусловно, поэзия Евгения Степанова – знак окружающего нас исторического времени и символ нашей эпохи, главным духовным качеством, главной отличительной чертой которой была и остаётся именно СВОБОДА.

Можно сколько угодно говорить теперь о преимуществах советской жизни и самого бывшего СССР в сравнении с жизнью современного общества в сопоставлении с организацией многих сфер жизни в нынешней России.

Не знал не только потому, что ему было предписано соблюдать жёсткие идеологические нормы, установленные властью Партии, которые ему, скажем, «развернуться не давали». Он не ощущал «воздуха» свободы и в своём собственном творческом сознании.

Сознание советского деятеля культуры и советского писателя и поэта, в частности, было наводнено некими «правилами», которые надо непременно неукоснительно соблюдать. Об этом ему собственный «внутренний голос» говорил не меньше, чем предписания тогдашних коммунистических властей предрежащих.

И в поэзии это были хотя бы те же традиционные правила стихосложения, те же хорей и ямбы и тому подобное. А вовсе не обязательно нормы чисто идеологические.

В советской поэзии ко всему неканоническому, ко всему, что выходит за рамки «правил», за пределы установленных норм и форм относились крайне враждебно – с неприязнью и непониманием.

Не принимали, например, стихи без знаков препинания и заглавных букв, очень настороженно воспринимали стихи без рифмы или без должной традиционной системы строк и строф и прочее. Всё это – характерные черты советской эпохи. Тогда более всего боялись непредсказуемости СВОБОДЫ, боялись плодов СВОБОДЫ.

В 1990-е годы мы все в России поняли, вынуждены были понять, что у свободы бывает и «тёмный лик» – свобода, превращающаяся в произвол, что бывает и беспредел разнузданной свободы.

Но вектор развития нашего общества остаётся тем не менее прежним – к всё большей и большей свободе человека, к всё большей свободе сознания и творчества.

Это выражается и в культуре в целом, и в литературе, и в обычной жизни простых людей.

Препоны свободе человека ставятся и сейчас (государством, ведущими религиями), но время неумолимо их разрушает. Неумолимо и постоянно.

Возьмём хотя бы сексуальную свободу и запретную при советской власти тему секса.

Сейчас в Интернете о сексе увидеть и прочитать можно всё что угодно – решительно всё! Ничего запретного в этой сфере жизни на пространстве Интернета уже просто не существует. Или такие запреты (блокировку определённых сайтов и прочее) при желании может обойти любой разбирающийся в Интернете человек.

Далеко не так было даже в свободные 1990-е годы, тогда в России создателей порнографической продукции, напри-

мер, и к суду порой привлекали за нарушение определённых правил.

А теперь – нет и тени всего этого.

С темой секса в масштабе нашего общества произошло фактически то же самое, что некогда произошло и с судьбой знаменитого романа Набокова «Лолита» – запрещали, запрещали, осуждали, осуждали...

И в конце концов сдались. Покорились природе человеческой.

То же самое происходит и в других сферах жизни человека и общества – свобода становится осязаемой реальностью и двигателем общественного развития.

И может ли литература, может ли поэзия остаться в стороне от всего этого **НАВОДНЕНИЯ СВОБОДЫ В НАШЕЙ ЖИЗНИ?** Не может, конечно!

Однако в ту же отечественную поэзию свобода по настоящему пришла с большим историческим опозданием только на рубеже XXI века.

И этому есть объяснения: свобода внешняя, дарованная самими историческими событиями, должна была перевоплотиться во внутреннюю свободу человека. А это долгий процесс.

Для советского писателя и поэта внутренняя духовная свобода была – как необычайшее и неприятное состояние невесомости.

Он в этой невесомости только беспомощно барахтался... И ждал только избавления от неё.

Ждал, когда же вернётся вновь привычное «земное тяготение», позволяющее ему благополучно жить и успешно творить.

Первым поэтом России, который во всём своём творчестве с замечательной лёгкостью обошёл без «земного тяготения»

обыденной плоской и унылой реальности, смело погрузился в океан свободы был Евгений Степанов – одним из наиболее ярких поэтов России XXI века.

Повторим и подчеркнём – для нас очевидно, что поэзия Евгения Степанова имеет «знаковый характер» и является ярким выражением нашей эпохи.

Впрочем, у нашей эпохи есть всё-таки её не одно, а два судьбоносных измерения – СВОБОДА И ЭНЕРГИЯ .

Но не только СВОБОДА, но и ЭНЕРГИЯ – энергия жизни, энергия творчества – является «высшим мерилом» нашей эпохи.

Ведь свобода всё-таки бывает и безвольна, превращается в безвольное «болтание» как вздумается и куда придётся... болтание по прихоти, «по воле» волн, по «подсказке» случая и от безделья...

И такая свобода не только не позитивна, но – губительна... При ней – лень жить, лень творить, лень хоть на что-то всерьёз решиться...

Всё решительно – любое движение в любую сторону – становится несерьёзным, необязательным, совершенно произвольным в царстве такой бездеятельной свободы. И тогда все формы жизненной активности в конечном счёте обесцениваются и теряют свой смысл.

Противостоять разлагающему душу действию такой пассивной и бездеятельной свободы может и должна поэзия ЭНЕРГИИ и ДЕЙСТВИЯ, поэзия больших чувств и ярких страстей, смелых поступков и решений, поэзия воспевающая право человека на смелый выбор своей Судьбы, равный по значению самому его праву на жизнь.

И поэзию этого последнего рода замечательно воплощает в наше время яркое поэтическое творчество Любовь Голейчук.

Любовь Голейчук (и она же Коэн Белл), как мы уже писали ранее, – новое имя на нашем поэтическом небосклоне. Её поэзия столько же необычна, как и её судьба.

Родившаяся в СССР, Любовь Голейчук покинула просторы былой советской империи во имя жизни в буквальном смысле на краю света – в Новой Зеландии.

Это был смелый поступок смелого человека, в поэзии которого отвага души и энергия души и жизни – верховные ценности.

*К цели великой, важной
Тропка любая вьётся,
К ней ты идёшь отважно –
В каждой руке – по солнцу.*

Так пишет о своём романтическом поэтическом и жизненном «исповедании веры» сама Любовь Голейчук.

В её поэзии нет места безделью души, инертной обломовщине и всепоглощающей скуке. Неиссякаемая энергия, любовь и всепоглощающая жажда жизни – вот те Божества, которым и в поэзии и в самой жизни поклоняется и остаётся всегда верна Любовь Голейчук.

И не просто читать такую поэзию, но душой принять её и слиться с ней и её пафосом и исповедуемыми в ней идеалами духовно-большая и светлая радость.

Жаждой жить, жить и жить, буквально дышат лирические стихи Любви Голейчук – яркие, необычные по своей поэтике, в высшей степени чувственные порой и всегда энергетически заряжённые... наполненные до краёв энергией души и самой жизни как животворным соком, дающим силы творить добро и любить...

В то же время поэзия Любви Голейчук – и поэзия неостановимых, неутолимых, как неизбывная жажда скитаний:

*Зачем же мой дух беспокойный
Толкает в объятия дорог,
И дышат в затылок мне войны
И скользок планеты комок?*

В лирической героине Любови Голейчук энергия жизни и жажда жизни бьют, льют через край и никогда не знают преград.

И сам неизбывный трагизм бытия поэзия Любови Голейчук по-своему победоносно преодолевает, торжествуя и над ним:

*Пусть вместе с ветром улечу,
Но никогда я не исчезну,
Останусь в детях, в травах, в песнях,
И за меня зажгут свечу...*

И для нашей эпохи такая поэзия тоже характерна на самом деле – это светлое измерение и светлый лик нашего времени, собравший в себе лучшее в нас самих и вокруг нас.

И повторим вновь – поэзия Любови Голейчук есть действительно от начала и до конца, до «последней запятой», так сказать, поэзия неиссякаемой энергии и неостановимого движения, для которой характерного полное неприятие любого, даже самого благодного и счастливого покоя.

И есть, есть в нашей нынешнем времени «золотые зёрна» именно такого поэтического восприятия мира. И они очень важны и ценны для нашего будущего.

Наконец, заметим так же следующее в этой связи. Существуют мысли и Существуют те представления и явления, которые перерастают свои собственные границы и становятся **ВЕЯНИЯМИ ЭПОХИ**.

И они с трудом уместаются тогда в рамки каких-то однозначных определений и чётких формулировок.

Веяния есть веяния – они зачастую перерастают даже и собственные границы, превращаясь в всепоглощающие стихии.

И вот таким властным, могущественным, увлекающим веянием стало в наше время ощущение безграничной свободы, разлитой в жизни вокруг нас, и неиссякаемой энергии, способной наполнить всю нашу жизнь до краёв и превратить её в неостановимый поток, а в конечном счёте в стремительную полноводную реку светлых стремлений, любви и счастья.

Свобода и Энергия в духовном плане – воздух нашего времени и его живая душа, творящая новые миры и погружающая нас в глубины непознанного.

И естественно поэтому, что нашему времени и вершинным достижениям современной русской поэзии неотъемлемо присуще новаторство в поэтической форме и эстетике, в самой тематике лирической поэзии, во всём, всём, всём...

Смело и совершенно по-новому раскрывается в ней, например, та же вечная тема Любви и некогда запретная тема Пола.

Обратимся вновь к поэзии Евгения Степанова. И взглянемся в такие его стихи:

СОИТИЕ

секс у растений

хорошо описала в газете Поэтоград канадская поэтесса Лорна Крозье

а еще есть секс у деревьев когда они сплетаются весенними ветками

у хороших книг плотно стоящих (!) на книжных полках

у веселых облаков плывущих над нами

у вагонов поездов соприкасающихся друг с дружкой

и т. д.

соитие как матрица бытия

все-таки жизнь непобедима

Неожиданно. Смело. Ошеломляет. И ничем не похоже на классику. Новое слово в поэзии в прямом смысле слова.

И трудно с этим спорить.

Не принять такую поэзию – да, можно.

Но это значит не принять то, к пониманию и признанию чего пришла сама жизнь в начале XXI века.

Это классика новой русской поэзии, поэзии XXI века. Живая и подлинная классика нашего времени.

А есть ли у нас иные новаторы в поэзии из числа тех, кто всерьёз претендует на звание Поэта? Ну вот помимо двух уже названных нами ярких авторов – Любви Голейчук и Евгения Степанова...

Конечно, мы есть, конечно, есть такие! – Могут громко крикнуть многие претенциозные стихотворцы современности с галёрки вместе с лидером большевистской революции, Владимиром Лениным, кричавшим некогда во все горло «Есть такая партия!», когда речь зашла о том, какая партия, какая политическая структура и сила способна взять на себя все бремя власти в России.

Но только оказаться на вершине российского поэтического Олимпа этим нынешним стихотворцам с большими амбициями – явно не по плечу.

Вот небезызвестный и уже упоминавшийся выше Константин Кедров тоже «вовсю» претендует на яркое и смелое новаторство.

От Солнца отделяется Земля

А от Земли рождается Луна

Весь этот СОЛНЦЕЗЕМЛЕЛУННЫЙ оборот

Меня пленит и за душу берет

Детский сад. Младшая группа. И ничего больше.

Эти СОЛНЦЕЗЕМЛЕЛУННЫЕ СТИХИ есть откровенное воплощение совершенно поразительной наивности, граничащей с глупостью.

Такое читать можно только для смеха или для забавы.

Или ещё один претендент на большую оригинальность и утончённость. Да ещё к тому же редактор журнала поэзии «Арион», Алексей Алёхин.

остался

с охапкой ветра в руках.

Это стихотворение такое у господина Алёхина... Здорово, правда?! Поэт остался «с охапкой ветра»...

До такого и действительно додуматься надо! Ведь не каждый додумается, например, что можно остаться «с куском воды», или «с лужей снега»....

Только сползание мысли и эмоций в запретную (а для кого-то и заветную) сферу идиотизма до сих пор поэзией, к великому сожалению, не считалось...

Но и традиционалисты наши, настоящие и мнимые, порой не лучше. Возьмём шедевры тоже не обделённого амбициями Алексея Пурина.

И даже мёртвою весною

я сберегу (а вы вольны?)

за замороженной десною

обол сосулечной слюны!

Красочные какие стихи! Надо же!

Сберегай, сберегай наш дивный поэт «обол сосулечной слюны»... за «замороженной десною».

Часто, видимо, приходится бывать многоуважаемому Алексею Пурину у зубного врача.

И правдивая у него память об этих сеансах лечения у стоматолога – сразу видно, что поэт-реалист, достойный наследник нашей дорогой классики.

Преемник Пушкина, можно сказать.

Нынешний российский поэтический Парнас вообще причудливое место... Кого только там порой не встретишь.

Иногда кажется, что это на самом деле чаща дремучего леса, где кто только не живёт, какие только лешие не бродят, и какие только ведьмы не прячутся там в своих избушках на курьих ножках.

Впрочем, о дамах мы всегда хорошо отзываемся. Даже если они и вполне себе бездарны, как поэты. Поэтому о них – ни слова...

Конечно, дутые поэтические имена и искусственно сфабрикованные в силу тех или иных обстоятельств поэтические репутации поблекнут, забудутся через время.

В нашу эпоху единственным мерилom достижений поэта становится его талант, его творческая уникальность, мощь и неповторимость – никакие правила и нормы уже не играют роли.

Можно писать рифмованные стихи и стихи без рифмы, стихи возвышенные и стихи иронические, стихи философические и стихи сентиментальные или скептические – это уже само по себе не имеет значения.

Все решает исключительность и глубина и мощь поэтического дарования. И только она. Настоящий большой Поэт нашей эпохи творит всегда предельно свободно.

Он – подлинный хозяин Царства головокружительной свободы, слитой воедино с ошеломляющей и неиссякаемой Энергией жизни, творящей и творящей новые и светлые миры.